

СЕКРЕТЫ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Андрей Краснящих / «НГ-Ex Libris», 08.11.2012

Василий Ливанов – лучший Шерлок Холмс всех времён и народов. "Шерлок Холмс и доктор Ватсон: Собака Баскервиль", 1981, режиссёр Игорь Масленников. Кадр из фильма.

125 лет назад, в ноябре 1887 года, вышла повесть Артура Конан Дойла «Этюд в багровых тонах» – первое произведение о Шерлоке Холмсе. Одна из книг о Конан Дойле называется «Человек, ненавидевший Шерлока Холмса». Это стало общим местом в холмсоведении – говорить о том, что писатель не любил своего главного персонажа, тяготился его присутствием в своей жизни и писал продолжение его приключений исключительно ради денег. Равно как заявлять, что ранний «Шерлок Холмс» – это да; а поздний становится всё схематичнее и схематичнее, фантазия автора оскудевает, а образ прославленного сыщика всё больше напоминает некогда свежую и красивую, а теперь высохшую розу.

Конан Дойл и сам признавался: *«Я написал о нём куда больше, чем намеревался, но моё перо подталкивали добрые друзья, которым всё время хотелось узнать, что было дальше. Вот и получилось, что из сравнительно небольшого зёрнышка вымахало чудовищное растение»*; *«Я не хочу быть неблагодарным Холмсу, который во многом был для меня хорошим другом, и если я уставал от него, то происходило это из-за того, что образ его не допускал никаких контрастов. Он является счётной машиной, и любой дополнительный штрих просто снижает эффект»*; *«<...> мне думается, что, если бы я никогда не брался за Холмса, затмившего моё более серьёзное творчество, я занимал бы сейчас в литературе более значительное место»*.

Да, Шерлок Холмс шёл с Конан Дойлом бок о бок всю его литературную жизнь, от начала и до конца, а похоронив своего создателя, продолжил путь в литературе в одиночку, вернее – с другими, известными и малоизвестными писателями – хочется сказать: замороженными магией шерлокхолмсовской личности, вдохновляющей их на создание всё новых и новых историй о приключениях самого знаменитого сыщика в мире, – но, если честно, отлично осознающими, что рассказ или роман с участием детектива с Бейкер-стрит – просто коммерчески беспроигрышный ход для любой книги, кем бы она ни была написана.

Да что там литературные продолжатели – зыбь на воде, – вот если бы о Шерлоке Холмсе рассказывали на улицах анекдоты! Так о нём и рассказывают – это началось ещё при жизни Конан Дойла. Герой анекдотов – народный герой. Войти в живую речь, стать фольклором – куда уж больше.

Можно сколь угодно ругать книги о Шерлоке Холмсе за бесстилие и схематизм сюжета, за примитивность литературной техники и самодовлеющую интригу, за то и за это, а главное – что автор везде идёт на поводу у публики, которой хочется, чтоб её развлекали и только (а Конан Дойл и не скрывал, что эти книги написаны им в *«другой, более непритязательной манере»*, чем остальные, и *«под заказ»*), но невозможно отрицать одного: что с образом самого Шерлока Холмса писатель угадал. И не просто угадал: Шерлок Холмс вошёл в литературу так, как кинжал в ножны, – на своё место, которое было пустым и ждало именно его. Появился в нужное время – ни раньше и ни позже, в самый раз. Поэтому все, кто был до него: дюпены и лекоки – вы-

глядят предтечей, а те, кто после, – патер Браун, мисс Марпл, комиссар Мегрэ – последователями.

Известно, что секрет успеха – где бы то ни было – в своевременности. Поторопившегося ещё не ждут, опоздавший приходит к шапочному разбору; оба кусают локти. Поздневикторианская эпоха с её сциентизмом и неоромантизмом была именно тем временем, когда должен был появиться Шерлок Холмс. Вот он и появился.

Но появившись в своё время, он мог там и остаться, не перешагнуть его границы; последующие, другие эпохи его могли и не принять – да, забавный тип, да, был такой когда-то. Однако, как мы теперь видим, Шерлок Холмс – это навсегда; а значит, рождённый для вечности.

Парадокс Конан Дойла в том, что написанные им книги о Шерлоке Холмсе – да, неприятязательны и схематичны, но образ главного героя получился при этом глубоким, сложным, разносторонним и очень живым: не жизненным – с точки зрения реалистическо-бытовых требований, – а сразу зажившим своей жизнью.

* * *

Роберт Андерсон, никакой не литератор, наоборот, – шеф уголовного сыска Скотленд-Ярда – написал в 1903 году: *«Чарльз Рид, бесспорный авторитет в области популярной литературы, как-то сказал, что у писателя нет лучшего способа подтвердить свой талант, чем создать новый художественный тип. Если так, автору «Приключений Шерлока Холмса» должно принадлежать одно из первых мест среди современных прозаиков. Успех сэра Артура Конан Дойла тем удивительнее, что в его герое нет абсолютно ничего такого, что очаровывало бы или отвращало читателя. Шерлок Холмс нам интересен, но он не возбуждает ни любви, ни ненависти и не толкает нас на благородные, прекрасные, великодушные поступки. Однако имя его вошло в язык, и в этом смысле он бессмертен».*

«Ни любви, ни ненависти» – а что? Симпатия – более глубокое, интимное чувство, чувство душевного родства. Фауст, Гамлет, даже Иисус, если ты не верующий христианин, тоже не вызывают ни любви, ни ненависти, но ближе нам, чем те герои, которых мы обожаем или на которых негодуем. Шерлок Холмс – сноб, эгоцентрик, себялюб, заявляющий о своём презрении к

мирозданию с первых же страниц и, разумеется, знающий цену такому его творению, как человек – и цена человеку как таковому в глазах Шерлока Холмса совсем невысока, – но всегда готовый помочь человеку конкретному, попавшему в беду, и до конца сражаться со злом и несправедливостью. Ради чего? Получается, что ради самой справедливости – то есть чтобы мироздание не развалилось – и ради человека, которого он в грош не ставит. Зачем ему это нужно? И что такого хитрого, какую такую цеплялку для наших душ вложил в него Конан Дойл?

«Клиенты Холмса не погибают почти никогда. <...> Он – заступник, он – защитник, он – умелый анестезиолог. С той минуты, как мы, растерянные и напуганные, вбегаем в его квартиру, нас тотчас окружает абсолютно непроницаемый колпак безопасности и покоя. <...> Холмса преступники не занимают. Их исповеди интересны читателю – Холмс выслушивает их, зевая. Зато жертву, даже самую бестолковую и скучную, он никогда не отпустит без полезного совета <...>. Холмс по отношению к клиентам (пациентам) бесконечно терпелив, нежен и заботлив, как мать родная: поит чаем, поучает, при первом подозрении на что-то серьёзное выезжает на дом. <...> Если Холмс и архетип, то, как нам кажется, не Мудреца, не Декадента и даже не Заступника <...>, а Доктора. <...> Он терпеливо выслушает все наши безграмотные жалобы и одним движением брови нас успокоит: диагноз не смертелен. Он гарантирует нам долгую и счастливую жизнь – разумеется, при условии, что мы будем более-менее соблюдать назначенный им режим».

В хорошо выстроенном, строго рационализированном мире викторианской эпохи – мире точных и достоверных знаний, где всё классифицировано и разложено по полочкам, всё логично и справедливо, – преступление, нарушение установленного порядка вещей – это болезнь. Холмс – домашний доктор (необычный, конечно, как Индиана Джонс – необычный профессор-археолог), борющийся с болезнью, чтобы спасти пациента и восстановить порядок.

Но вот вопрос: сколько необходимо было написать произведений о Шерлоке Холмсе, чтобы его характер окончательно выкристаллизовался и навсегда остался в литературе – все 60, как в итоге, или хватило бы и трети этого, как сначала планировал сам автор?

* * *

Написав после повестей «Этюд в багровых тонах» и «Знак четырёх» шесть рассказов о приключениях Шерлока Холмса, которые после публикации в журнале «Стрэнд» наконец-то сделали имя писателя знаменитым и, кроме известности, принесли ему неплохой на то время гонорар: по 35 фунтов стерлингов за рассказ, – Конан Дойл устал от своего героя и, когда редакция попросила новых шерлокхолмсовских вещей, отказал. «Стрэнд» продолжал настаивать и упрашивать: читатели хотели ещё, – и Конан Дойл дал себя уговорить, подняв планку гонорара до 50 фунтов за рассказ. За несколько недель он написал пять новых историй о Шерлоке Холмсе, решив, что в следующем, шестом, поставит финальную точку на судьбе героя, который начинал ему не на шутку надоедать. *«Я собираюсь убить Холмса в шестом рассказе и навсегда с ним покончить. Он отвлекает меня от более важных вещей»*, – сказал Конан Дойл в письме матери. Не получилось: мать писателя, которой образ благородного сыщика очень понравился, пришла в ужас от намерений сына: *«Не делай этого! Ты не имеешь права!»* – и чтобы не только словом, но и делом повлиять на его решение, сама предложила ему следующий шерлокхолмсовский сюжет. *«Он всё ещё жив, благодаря твоему заступничеству»*, – ответил матери Конан Дойл.

Вскоре все двенадцать рассказов вышли отдельной книжкой, и Конан Дойл, навсегда отказавшись от медицинской практики, отдался литературе. Но не Шерлоку Холмсу, а «настоящей»: историческим романам «Изгнанники: История двух континентов» и «Великая тень» (первый – о бегстве французских гугенотов XVII века в Америку, второй – о битве при Ватерлоо) и семейной повести «Приключения в загородном доме». И, вероятно, никогда больше не вернулся бы мыслями к своему герою, если бы «Стрэнд», тиражи которого благодаря Шерлоку Холмсу росли и росли, не начал снова упрашивать. Когда же Конан Дойл, чтобы это выглядело так, будто не он отказал, а журнал сам отказался, запросил неслыханный по тем временам гонорар: 1 тыс. фунтов за двенадцать новых рассказов – «Стрэнд» согласился, не торгуясь.

Деньги – это прекрасно, но не всё же в жизни они решают, есть ещё писательская репутация, а прославиться на весь мир только как автор «Шерлока Холмса» – значило навсегда распрощаться с надеждой остаться в литературе «серьёзным» писателем. И в заключительном, двенадцатом рассказе нового

цикла – «Последнем деле Холмса» – Конан Дойл окончательно расправился со своим героем – не героем уже, а демоном, – руками профессора Мориарти столкнув его в пропасть Рейхенбахского водопада. Всё, это место – достойная могила «<...> бедному Шерлоку, пусть даже я похороню вместе с ним свой банковский счёт». «Убил Холмса», – с облегчением напишет Конан Дойл в своём дневнике. «Бедняга Холмс погиб навеки. Я получил такую его передозировку, что ощущаю по отношению к нему примерно то же самое, что к *pate de foi gras*, которым как-то объелся, – меня до сих пор тошнит от одного его имени».

Назад дороги не было, и теперь на протяжении десяти лет Конан Дойлу предстоит то и делать, что оправдываться перед публикой за свой поступок: «Меня часто ругают за то, что я умертвил этого джентльмена, но я считаю это не убийством, а самозащитой, ибо не лиши я его жизни, он навсегда убил бы меня».

А оправдываться было перед кем: разъярённая публика готова была линчевать писателя. В редакцию несчастного «Стрэнда», и так после публикации «Последнего дела Холмса» потерявшего двадцать тысяч подписчиков, посыпались письма с оскорблениями и угрозами; в лондонском Сити всё чаще и чаще можно было увидеть молодых людей с чёрными лентами на шляпах – в знак траура по любимому герою; говорили, что даже члены королевской семьи переживают смерть Холмса как потерю близкого человека. Массовый психоз, да? И это в то самое время, когда у Конан Дойла умирает отец и при смерти жена. Реальное человеческое горе – и какой-то безумный карнавал с панихидой по бумажному человечку.

* * *

Как же так получилось, что через десять лет Конан Дойл воскресил Холмса? Деньги – свидетельствуют все биографы писателя – проклятое золото мира, способное совратить даже такого невольника чести, как Конан Дойл. Особенно если у невольника большая семья и большие траты. А тут американский журнал «Кольерс уикли», предлагающий 25 тыс. долл. (довольно значительная даже по нашим временам сумма гонорара, а для того времени – 1903 год – так вообще невероятная, баснословная) за шесть новых рассказов о Шерлоке Холмсе; 30 тыс., если рассказов будет восемь, и 45 тыс. – за 13 рассказов. И это только за

американский копирайт. Плюс ещё половина этого – за английский. Но обязательное условие: Шерлок Холмс должен быть именно что воскрешён, то есть спастись после падения в пучину Рейхенбахского водопада, да и вся эта история с его как будто гибелью должна быть как-то внятно объяснена.

«Им овладел холодный цинизм. И такое настроение уже не покидало его с годами. Если читателям этого хочется, он отныне будет выдавать только тщательно отделанную ремесленную продукцию и будет получать за неё столько, сколько эти ненормальные издатели готовы платить. Он может даже увлечься этим занятием, но только весьма поверхностно. Главное, что в ближайший год, или около того, замыслил он создать новый роман из Средневековья в пару к «Белому отряду», где собирается наглядно показать публике её заблуждения».

Так появился новый цикл из тринадцати рассказов – «Возвращения Шерлока Холмса». Конан Дойл знал, не мог не знать, на что шёл: убив Шерлока Холмса один раз, второй он никак уже не мог бы это сделать и, реанимировав своего демона-героя, отныне навечно становился его заложником. Заложником ли? И так уж тут при чем деньги?

Рассказы «Возвращения» были написаны подозрительно быстро: за год, с октября 1903-го по декабрь 1904 года (впоследствии Конан Дойл выдавал публике не более одного «шерлокхолмсовского» рассказа в год), – словно писались не тогда, а были подготовлены заранее и только и ждали своего часа – предложения типа «кольерс-уикливского».

Демон – он же гений. Или он есть, или нет, а избавиться от него невозможно. Талант – да, его можно зарыть в землю; но гений – это как наваждение. «Эмма Бовари – это я», – сказал Гюстав Флобер, и все его поняли не так. «Если Холмс и существует, то, должен признаться, – это я сам и есть», – поделился в 1918 году с одним американским журналистом Конан Дойл, только его тоже не услышали. А «я» – это есть «я».

В 1903 году Конан Дойл был одним из самых знаменитых, самых читаемых писателей в мире, известным отнюдь не только благодаря Шерлоку Холмсу, но и множеству исторических романов, «Бригадиру Жерару», стихам, мистическим рассказам. Какой резон ему, человеку небедному, недавно получившему из рук короля рыцарское звание, благополучно похоронившему Шерлока Холмса десять лет назад, пережив при этом публичную порку со стороны читателей, – когда страсти утихли и все сми-

рились с тем, что их герой мёртв, возвращаться к нему? Незачем. Разве что если он – Шерлок Холмс – никогда и не умирал.

А он и не умирал. Бесхолмсовское десятилетие Конан Дойла на самом деле не было бесхолмсовским. Умерев для всех, Холмс продолжает присутствовать в творчестве Конан Дойла призраком, почти незаметно: иногда – фигурой умолчания; иногда – тенью на фоне повествования; в образах других героев, в их поступках и интонации, в сюжетных перипетиях, при внимательном чтении напоминающих нам о нем, – везде. Весной 1898 года перед поездкой в Италию он закончил три рассказа, открывающих в «Стрэнде» новую серию «Рассказов у камелька»: «Охотник за жуками», «Человек с часами» и «Исчезнувший экстренный поезд». В последнем из них Шерлок Холмс, хоть и не названный, присутствует как бы за кулисами.

Порой Холмс не выдерживал и появлялся перед публикой собственной персоной – во всём своём великолепии. Как это было в пьесе «Шерлок Холмс», поставленной в 1899 году, и в повести «Собака Баскервильей», написанной в 1901–1902 годах.

Как-то, за десять лет до этого, Конан Дойл уже намеревался показать героев шерлокхолмсовского цикла театральному зрителю и переписал для сцены «Этюд в багровых тонах». Ничего не получилось: пьеса «Ангелы тьмы» вышла слабенькой, автор положил её «в стол» и навсегда забыл о ней (она была опубликована через семьдесят лет после его смерти). Почему? Может быть, потому что Шерлок Холмс в ней вообще не появляется: «Ангелы тьмы» повествуют об американском периоде жизни доктора Ватсона, о его работе врачом в Сан-Франциско, о девушке, которую он любил до встречи с Мэри Морстен.

В конце 1897 года биографы снова говорят: ради денег, чтобы покрыть расходы на покупку нового дома, – Конан Дойл переложил на язык театра рассказы «Скандал в Богемии» и «Последнее дело Холмса» и назвал пьесу так, как должен был назвать, – «Шерлок Холмс». Правда, для этого – что поделаешь, театр есть театр, зритель хочет видеть страсть, а не холодное движение мысли – Шерлока Холмса необходимо было женить. И вообще превратить детективную пьесу в мелодраму. Женить Шерлока Холмса – всё равно что женить Иисуса Христа или Гамлета. Но Конан Дойл соглашается, равнодушно машет рукой: «Можете женить его, можете убить, делайте с ним, что хотите». Не потому ли, что ему хочется – во что бы то ни стало – увидеть своего демона на сцене, живого и неувредимого?

Будет и третья попытка вывести Шерлока Холмса на сцену: в 1910-м, по рассказу «Пёстрая лента» – сначала с живой змеей, которую все зрители посчитали муляжом, потом с чучелом, которое перепуганная публика приняла за настоящую змею.

Что же касается «Собаки Баскервилей», написанной тоже в бесхолмсовское десятилетие, то сначала в этой «готической» повести Шерлока Холмса и в помине не было. Он появился в ней самовольно. «Первоначально, как Конан Дойл признавался Дж. Ходдеру Уильямсу, когда он обдумывал рассказ в Кромере, ему и в голову не приходило использовать Шерлока Холмса. Но вскоре, когда он стал сводить воедино все детали, стало ясно, что надо всем этим должен стоять некий вершитель судеб. «И тогда я подумал, – говорил он Ходдеру Уильямсу, – зачем мне изобретать такой персонаж, когда у меня есть Холмс?»

И наконец, есть в бесхолмсовском десятилетии рассказ о Холмсе и Уотсоне, не вошедший позднее ни в один сборник. Он написан в 1896 году и называется «Благотворительный базар». Это самопародия.

С одной стороны, «меня тошнит от одного его имени», с другой – «Шерлок Холмс – это я», а посередине – автор, любящий своего героя так, как, уверен он, не способен ни полюбить, ни понять ни один читатель.

Андрей Петрович Краснящих - литературовед, прозаик.